

«Обломовская энциклопедия»

Энциклопедия одного произведения – в отечественном литературоведении жанр относительно новый. По сути, к настоящему времени мы имеем лишь два образца изданий подобного рода, во многом друг от друга отличных. Это подготовленная в Пушкинском Доме и выдержанная – как стилистически, так и внешне – в академическом ключе «Энциклопедия „Слова о полку Игореве“» (Т. 1—5. СПб., 1995; отв. ред. О. В. Творогов) и ориентированная на свободное, научно-популярное изложение «Онегинская энциклопедия» (Т. 1-2. М., 1999—2004; под ред. Н. И. Михайловой), богато изданная и снабженная большим количеством иллюстраций. Готовящаяся в Пушкинском Доме «Обломовская энциклопедия», думается, неизбежно будет сравниваться с последним изданием. Однако редакторы и составители «Обломовской энциклопедии» предполагают двигаться по несколько иному пути, стараясь совместить достоинства двух упомянутых энциклопедий, а также учесть критические замечания, высказывавшиеся в научной литературе. Они рассматривают свой труд, как логическое продолжение работы над комментарием к роману «Обломов». Академический комментарий, составивший целый том Полного собрания сочинений и писем Гончарова, послужил содержательной и структурной основой будущей энциклопедии. В энциклопедических статьях суммируются сведения об истории написания и публикации текста, его критической оценке, научном исследовании и рецепции. Наиболее сложным с точки зрения формирования словника, являются разделы, относящиеся собственно к тексту романа: поэтике, ключевым понятиям и мотивам. При формировании этой части словника мы стремились к учету всех зафиксированных в исследовательской литературе точек зрения, всех концепций и терминов, имеющих определенный вес в науке о Гончарове.

Возможно, декларируемая редакторами «Энциклопедии» зависимость от уже изданного комментария к роману вызовет опасение, что это издание может стать его дублетом, простым повторением, переизданием уже существующего текста. Энциклопедия, безусловно, будет учитывать опыт академического комментирования, более того – опираться на него, но, разумеется, им не ограничиваться. Во-первых, тот же материал, по-другому структурированный и расположенный, прирастает новыми смыслами, выявляет ранее невидимые причинно-следственные связи между на первый взгляд далекими явлениями и идеями, раздвигает семантическое поле. Во-вторых, рамки энциклопедии значительно шире собственно комментария: этот жанр позволяет и требует более широкого учета литературы, причем не только исследовательской, более полного и обстоятельного, чем в комментарии, раскрытия рецепций текста в культуре и массовом сознании.

Авторы «Обломовской энциклопедии» питают надежду, что это издание станет не «книгой для чтения», не «новым типом комментария» (как позиционировали свой проект авторы «Онегинской энциклопедии»), а универсальным справочником, к которому могли бы обратиться и ученый-филолог, и студент – и найти там ответ почти на любой вопрос, могущий возникнуть как при чтении романа «Обломов», так и при изучении его влияния на культурную жизнь России на протяжении ста пятидесяти лет, прошедших с момента его первого издания.

Ниже публикуются некоторые статьи из готовящегося издания.

Английская драка — бокс. В рассказ о детстве Андрея Штольца включен эпизод, изображающий боксерский поединок: юный князь «поставил его в позицию и начал выделывать удивительные штуки кулаками, попадая ими Андрюше то в нос, то в брюхо, потом сказал, что это английская драка» (ч. 2, гл. 1; IV, 157).

Английский кулачный бой известен с нач. XVIII в. Его родоначальником считается Джеймс Фигг (1695—1734), имевший в Лондоне собственную школу фехтования; он же стал победителем первого чемпионата Англии по кулачному бою (1719). Кодекс поединка «на голых кулаках» разрабатывался более столетия, первые правила («Правила бокса в перчатках») появились в Англии в 1865 г. Их основные положения дожили до настоящего времени.

Проникновение в Россию сведений о боксе связано с выходом книги: Egan P. Voxiana: *Scetches of ancient and modern Pugilism*. London, 1812. Вторым изданием, имевшим большой успех, книга вышла спустя десятилетие: Egan P. Voxiana, or *Sketches of ancient and modern Pugilism*. London, 1824 (4 т., с гравюрами на меди). Особенно популярен был ее французский перевод: *Voxiana ou Encyclopedie du pugilat ancienne et moderne*. Paris, 1824. По данным М. Н. Лукашева, кулачные поединки наблюдал в Англии в 1814 г. император Александр I со свитой, его спутники могли позднее стать популяризаторами бокса в России (см.: *Лукашев М. Н. «Пушкин учил меня боксировать...»* С. 94—95). Данью моде было, по мнению того же автора, и увлечение боксом Пушкина.

Эпизод гончаровского романа служит авторитетным свидетельством интереса русской аристократии в первые десятилетия XIX в. к английскому кулачному бою, о котором «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара сообщал следующее: «Боксеры (Boxers) особенные кулачные бойцы в Англии. Они всегда готовы драться на кулаках за деньги или за чужие ссоры и обучать своему искусству других. Они бьются нагие до пояса, все дело состоит в умении защищать себя и наносить удары противнику, особенно в нижнюю часть живота. Некогда подобные схватки привлекали множество зрителей, даже из высшего сословия, <...> теперь служат забавою только для черни» (Плюшар. Т. 6. С. 229).

Название «бокс» за английским кулачным поединком закрепилось не сразу. Слово отсутствует в Словаре Академии наук (1867). Справочные энциклопедические издания К. Крайя (1847), Ф. Толля (1863) повторяют сведения Плюшара. Согласно «Толковому словарю» В. И. Даля: "Боксать, англ., слово, перенятое в наших гаванях, говоря о драке и задоре заморских матросов; кулачки, кулачный бой" (Даль).

В качестве спортивного состязания бокс приобретает популярность в России только в 1890-х гг. Первый боксерский поединок состоялся в Петербурге в 1898 г.

Лит-ра: *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. Т. 1. С. 81—87; *Лукашев М. Н.* «Пушкин учил меня боксировать...» // *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1991. Вып. 24. С. 83—96.

А. Г. Гродецкая

Артамов Петр (псевдоним; наст. имя и фам. — Владимир де ла Фит де Пельпор, граф; 1818—1870) — переводчик “Обломова” на французский язык, литератор, журналист. Принадлежал к древнему (известному с XIII в.) роду маркизов де ла Фит де Пельпор, его отец — французский офицер, плененный под Данцигом в 1813 г., остался в России, женился на немке и жил в имении Крюково Вяземского уезда Смоленской губернии. Артамов получил образование в Дерптском университете, жил в разных странах Европы. В конце 1850 г. Артамов публиковал статьи в заграничных русских изданиях: “Голоса из России” (Лондон, 1859) и “Русский заграничный сборник” (Париж, 1859. Ч. II, тетр. 4), в начале 1860-х гг. печатался в “Журнале Министерства народного просвещения” и “Православном

обозрении”. Во Франции в 1860-х гг. регулярно выходили его брошюры политического содержания. Автор книг: *Histoire d'un bouton*. Paris, 1862; *La ménagerie littéraire*. Paris, 1863; *Les instruments de musique du diable*. Paris, 1864; *Histoire d'un conseiller municipal*. Paris, 1865; *La nuit de la Saint-Sylvestre*. Paris, s. a.; а также обширной иллюстрированной энциклопедии России: *La Russie historique monumentale et pittoresque* par *Piotr Artamof* avec la collaboration de M. J.-G.-D. Armengaud. Paris, 1862—1865. Т. 1—2.

Артамов в соавторстве с Шарлем Деленом в 1859—1860 гг. перевел первую часть «Обломова». Перевод впервые опубликован в 1872 г. под названием “*Une journée de M. Oblomoff*” (Один день г-на Обломова) в “*Revue de France*”, переиздан в 1877 и 1886 гг. под названиями “*Oblomoff: Scènes de la vie russe*” и “*Oblomoff*” соответственно. Артамов был инициатором перевода, основным автором (Делен не знал русского языка) и виновником того, что перевод не был закончен. Причины появления неполного перевода, главная из которых — увлечение Артамова журналистикой, изложены в письме Делена Гончарову от 22 июня 1877 г. (*ИРЛИ*. Ф. 163 (Архив Е. А. Ляцкого). Оп. 1, № 117). Гончаров был знаком с переводом Артамова и Делена по изданию 1877 г. и в переписке и воспоминаниях неоднократно высказывал недовольство тем, что переведена только первая часть. В публикации неполного “Обломова” Гончаров безосновательно видел злой умысел И. С. Тургенева (*Необыкновенная история*, 214; письмо Гончарова И. И. Монахову от 10 июля 1877 г. (Из переписки Гончарова: Гончаров — И. И. Монахов. 1871—1877 / Вступит. статья, публ. и коммент. И. Н. Сухих // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 557). В то же время в письме к Делену от 11 июля 1878 года Гончаров признавался, что у него “...нет ни одного замечания по поводу перевода как такового. Он безукоризнен и, если бы весь роман был переведен с таким же талантом и изяществом, то, по крайней мере, некоторый успех у французской публики был бы автору обеспечен” (*ИРЛИ*. Ф. 163 (Архив Е. А. Ляцкого). Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 4). Вплоть до 1926 г., когда вышел в свет перевод Е. Извольской, перевод Артамова и Делена оставался во Франции единственным и воспринимался иногда как перевод всего романа (см.: Студенческий дневник Р. Роллана // Иностранная литература. 1955. № 1 (Июль). С. 130). См. также: Делен, Жеребцов, Цетнер.

Лит-ра: *Une journée de M. Oblomoff / Trad. du russe de Gontcharoff, par P. Artamoff et Ch. Deulin // Revue de France*. 1872. Т. 4. Déc. P. 558—586; 1873. Т. 5. Mars. P. 595—614; Т. 7. Juillet. P. 154—168; Т. 8. Oct. P. 165—176; *Gontcharoff I. Oblomoff: Scènes de la vie russe / Trad. de P. Artamoff, revue, corrigée et augmentée d'une étude sur l'auteur par Ch. Deulin*. Paris: Didier, 1877; *Gontcharoff I. Oblomoff / Trad. avec l'autorisation de l'auteur par P. Artamoff et Ch. Deulin*. Paris: Perrin, 1886; *Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 278—285; Гончаров. ПСС. Т. 6. С. 462—472; Гуськов С. Н. Хрустальный башмачок Обломова // Русская литература. 2002. № 3. С. 44—52; Черных В. А. Вяземский мужичок Петр Артамов (граф де ла Фит де Пельпор) // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки. М., 1986. Сб. 9. С. 115—126.*

Архивы: Переписка И. А. Гончарова с Ш. Деленом и Дидье (на фр. яз.) — *ИРЛИ*. Ф. 163 (Архив Е. А. Ляцкого). Оп. 1. Ед. хр. 117.

С. Н. Гуськов

Архангельское — село Ставропольского уезда Симбирской губернии, прообраз Обломовки и Верхлёва в романе И. А. Гончарова «Обломов». Деревня Репьёвка, Ботьма тож была основана в конце XVII века. Располагалась за Волгой, на левой луговой стороне реки, в 20 верстах от города Симбирска, стоявшего на правом берегу Волги. В XVIII веке по построенной Михайло-Архангельской церкви, село стало называться Архангельским. В

середине 1950-х годов Архангельское было затоплено в связи с образованием Куйбышевского водохранилища. В конце XVIII—XIX вв. Архангельское и расположенные рядом деревни и хутора принадлежали представителям старинного дворянского рода Наумовых. В 1820—22 годах, когда здесь в частном пансионе священника Ф. С. Троицкого учился И. А. Гончаров, в Архангельском находились усадьбы Николая Михайловича Наумова и княгини Екатерины Александровны Хованской (урожд. Наумовой, 1780—1836), вдовы симбирского гражданского губернатора князя С. Н. Хованского (1767—1817) (*Князь С. А. Хованский*. Князья Хованские. М., 2007. С. 156—157). Неверно называемая в литературе о Гончарове владелицей Архангельского тех лет Екатерина Петровна Хованская, сестра декабриста В. П. Ивашева, приходилась Е. А. Хованской невесткой.

На то, что впечатления о пребывании И. А. Гончарова в селе Архангельском нашли отражение в описании Обломовки, указывали ещё первые биографы И. А. Гончарова. Так, например, Е. А. Ляцкий писал: "Кроме Обломовки в городе, Гончарову была знакома Обломовка-деревня. <...> Мы можем дать более определённые сведения об этом имении - оно находилось на правом [левом. - И. С.] берегу Волги и принадлежало княгине Хованской" (*Ляцкий Е. А.* Гончаров. С. 61). Село Архангельское, с его простором степей, заливаемыми лугами, множеством озёр, остававшихся после разлива Волги, изобилием рыбы и пернатой дичи вполне можно назвать «благословенным уголком земли» подобно Обломовке. Рельеф местности Архангельского — степное Заволжье — совпадает с обломовским: «Нет <...> там моря, нет высоких гор, скал и пропастей», вместо гор — «ряд отлогих холмов, с которых приятно кататься, резвясь, на спине» (Ч. I, гл. IX; IV, 98, 99). Климат в Заволжье всегда был особенно сухим и жарким, даже более, чем на правом волжском берегу. В письме к Н. А. Майкову от 13 июля 1849 года из Симбирска Гончаров делится впечатлениями от встречи с родными местами: «...какая тишина, ясность и какая продолжительность в этой тихой дремоте чуть-чуть струящегося воздуха; кажется, я вижу, как эти струи переливаются и играют в высоте. И целые недели - ни ветра, ни облачка, ни дождя» (*Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 243—244). В Обломовке «Солнце <...> ярко и жарко светит около полугода <...> Там надо искать свежего, сухого воздуха, <...> ясных дней, слегка жгучих, но не палящих лучей солнца и почти в течение трёх месяцев безоблачного неба» (Ч. I, гл. IX; IV, 99—100).

Дворянам Обломовым принадлежали расположенные неподалёку три или четыре деревни: «одна Сосновка, другая Вавиловка, в одной версте друг от друга. Сосновка и Вавиловка были наследственной отчиной рода Обломовых и оттого известны были под общим именем Обломовки <...> Верстах в пяти от Сосновки лежало сельцо Верхлёво...» (Ч. I, гл. IX; IV, 105). Имения Наумовых — Архангельское, Головкино, Юрманки, Ивановка и др. — также располагались недалеко друг от друга. Рядом с ними, между прочим, было и с. Сосновка. В селе Головкино, в 18 верстах от Архангельского, на Волге, находилась хлебная пристань. Крестьяне из Обломовки «в известное время возили хлеб на ближайшую пристань к Волге» (Ч. I, гл. IX; IV, 103).

Наличие в Архангельском пансиона, где учился И. А. Гончаров, также давало основания биографам писателя указывать на прототипичность Архангельского и как Верхлёва, «тоже принадлежавшего некогда фамилии Обломовых и давно перешедшего в другие руки» (Ч. I, гл. IX; IV, 105). «...Илья Ильич вдруг увидел себя мальчиком лет тринадцати или четырнадцати. Он уже учится в селе Верхлёве, верстах в пяти от Обломовки, у тамошнего управляющего, немца Штольца, который завёл небольшой пансион для детей окрестных дворян» (Ч. I, гл. IX; IV, 119). Пансион Штольца, как и пансион Ф. С. Троицкого в Архангельском, видимо, был открыт недавно: кроме Илюши Обломова в нём учился Андрей Штолец, почти одних лет с Обломовым, и еще один мальчик, «кроме этих детей, других еще в пансионе пока не было» (Ч. I, гл. IX; IV, 120).

Можно найти некоторые совпадения между реалиями жизни князей Хованских, которую наблюдал Гончаров в Архангельском, и описанием жизни в княжеском доме в Верхлёве. У Хованских, так же как и у княжеской пары в романе, было пятеро детей, примерно одного возраста с Гончаровым. Барский дом Хованских, по воспоминаниям, «громадный, красивый <...> с бесконечным числом комнат, с разными "половинами", как во дворцах, биллиардной, библиотекой, разными гардеробными <...> с обширным залом в два света <...> где высокие до полу окна выходили в тенистый сад» (*Буланова-Трубникова О.* Странички воспоминаний // *Былое.* 1924. № 24) — напоминает княжеский замок в Верхлёве «с широким раздольем барской жизни»: «... в самом Верхлёве стоит, хотя большую часть года пустой, запертый дом, но туда частенько забирается шаловливый мальчик [Андрей Штольц. - И. С.], и там видит он длинные залы и галереи, темные портреты на стенах...» (Ч. I, гл. IX; IV, 157, 156).

По воспоминаниям М. Ф. Де-Пуле, «...Архангельское очень часто видело у себя громадные съезды гостей, не только из окрестных деревень, но из Симбирска, Ставрополя и Самары» (*Де-Пуле М. Ф.* Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // *Русский Вестник.* 1875. Т. 117. С. 186). Княжеский замок в Верхлёво «года в три раз <...> вдруг наполнялся народом, кипел жизнью, праздниками, балами; в длинных галереях сияли по ночам огни. Приезжали князь и княгиня с семейством...» (Ч. I, гл. IX; IV, 156). Дом, в котором кроме князя и княгини поселялись их дети, гувернантки, учитель музыки, «целая шайка горничных, наконец, стая собак и собачонок», представлял собой «весёлый и живой мир», наполнявший Архангельское-Верхлёво «шумом, гамом, стуком, кликами и музыкой» (Ч. I, гл. IX; IV, 157). Иван Гончаров, так же, как и Андрей Штольц, «жадно и бессознательно» вглядывался в эту жизнь, наблюдая «типы этой разнородной толпы, как пёстрые явления маскарада» (ГЧ. I, гл. IX; IV, 157). Через много лет заволжские впечатления И. А. Гончарова вошли в ткань его самого знаменитого романа.

Лит-ра: И. А. Гончаров — Н. А. Майкову и его семье. Симбирск. 13 июля 1849 г. // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 241—245; *Князь С. А. Хованский.* Князья Хованские. М., 2007; *Ляцкий Е. А.* Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. СПб., 1912; *Де-Пуле М. Ф.* Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // *Русский Вестник.* 1875. Т. 117; *Буланова-Трубникова О.* Странички воспоминаний // *Былое.* 1924. № 24.

И.

В.

Смирнова

Аттестат Обломова — документ, удостоверявший факт окончания Обломовым учебного "заведения". Однако в тексте романа нет прямых указаний на то, какое «заведение» в Москве он окончил. Если Штольца отец отправляет учиться в университет, не предполагая, что «университет русский должен будет произвести переворот в жизни его сына» (ч. 2, гл. 1; ср. также о Штольце: «...природная речь его была русская: он учился ей у матери и из книг, в университетской аудитории...» - IV, 152), то об Обломове известно только, что родители «решились послать Илюшу в Москву, где он волей-неволей проследил курс наук до конца» (ч. 1, гл. 6; IV, 60-61). И далее о завершении его образования сказано: «То число, в которое он выслушал последнюю лекцию, и было геркулесовыми столпами его учености. Начальник заведения подписью своею на аттестате <...> провел черту, за которую герой наш не считал уже нужным простирать свои ученые стремления» (IV, 63). Из перечня пройденных Обломовым предметов («Он учился всем существующим и давно не существующим правам, прошел курс и практического судопроизводства...» — там же) как будто следует, что он все же мог учиться на юридическом отделении Московского университета, как младший Адуев в «Обыкновенной истории» (ср. пройденные последним «богословие, гражданское, уголовное, естественное и народное права, дипломатию, политическую экономию» — I, 215, и примеч.),

как и Борис Райский в «Обрыве». «Темным» мотив обломовского образования был и в черновиках. В первоначальной редакции части первой «заведение», куда Обломова определили шестнадцати лет, называлось то «школой», то «пансионом», то «училищем». Ср.: «Он волею или неволею выслушал курс наук в одной школе, куда его отдали шестнадцати лет»; «Начальник пансиона, подписью своею на аттестате...» и т. д.; «Он покинул училище с запасом сведений, которые в нашем разнохарактерном обществе могли ему доставить [титул] название образованного человека. <...> Но по мере того, как он удалялся от этого выхода из [училища] [школы] пансиона, познания его бледнели и испарялись» (V, 103, 109). В романе нет определенного ответа на вопрос, где учился Илья Ильич. Скорее всего, Гончаров не решился сделать своего героя выпускником Московского университета.

Лит-ра: *Раскин Д. И.* 1) Образование и учебные заведения в России XIX — нач. XX вв. // Русские писатели. Т. 4. Приложение. С. 674—680; 2) Специализация высшей российской бюрократии XIX-начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 29—42; *Егоров Б. Ф.* Образование. Учебные заведения // Из истории русской культуры. Т. 5: XIX век. М., 1996. С. 277—319; *Гродецкая А. Г.* Где учился, кем служил Илья Ильич Обломов, и кто такая Милитриса Кирбитьевна... // Русская классика: Проблемы интерпретации: Материалы междунар. науч. конф. Липецк, 2006. С. 91—96 (XIII Барышниковские чтения).

А. Г. Гродецкая

Борода и усы — социально значимые подробности внешности персонажа. Пришедший к Обломову чиновник Судьбинский (сцена «парад гостей») — «господин в темно-зеленом фраке с гербовыми пуговицами, гладко выбритый...» (ч. 1, гл. 2; IV, 21). И напротив, литератор Пенкин, человек свободной профессии, — «господин, заросший весь бакенбардами, усами и эспаньолкой» (IV, 25).

В Сенатском указе от 2 апреля 1837 г. «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду», в частности, говорилось: «...Государь император <...> сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды по образцу жидов или подражая французским модам. Его императорское величество изволил находить сие совершенно неприличным...» (ПСЗ. Т. 12. Отд. I. С. 206). В благонамеренном обществе ношение бороды и усов считалось проявлением вольнодумства, о чем современники оставили многочисленные свидетельства. К примеру, Е. А. Штакеншнейдер, отмечала: «Осипов казался мне вольнодумцем, потому что, как вольный художник, носил усы и эспаньолку. При Николае Павловиче усы и борода были большою редкостью. Никто из служащих в гражданской службе не имел права отпускать их, а военные носили только усы, но не бороду» (*Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854—1886) / Ред., статья и комм. И. Н. Розанова. М.; Л., 1934. С. 35—36). На всем известный социальный подтекст намекал В. С. Курочкин в ст-уии «Общий знакомый»: «Старичков остаток бедный, / Чуя зло везде, / Образ мыслей самый вредный / Видит в бороде...» (БдЧ. 1856. № 12. С. VI—VII). О том же в романе «Меж двух огней» (1868) писал М. В. Авдеев: «Справедливо или нет, но у нас рашение волос сверх известной меры и на недозволенных по штату местах всегда считалось признаком и своего рода мундиром вольнодумства и наравне с ним подвергалось преследованию» (*Авдеев М. В.* Меж двух огней. СПб., 1869. С. 48). Социально значимой та же подробность остается, например, и в «Идиоте» Ф. М. Достоевского, где об Иване Петровиче Птицыне, жившем ростовщицеством, замечено: «Темно-русая бородка обозначала в нем человека не с служебными занятиями» (Достоевский. Т. 8. С. 77). Сохранились также многочисленные данные о преследовании славянофилов за ношение бороды в 1840—1850-х гг. Среди гражданских служащих, как отмечает современный

исследователь, указ 1837 г. «особенно задевал пожилых чиновников, которым в случае утраты зубов бриться было затруднительно» (Шепелёв. С. 231).

Лит-ра: «Обломов» ЛП. С. 652—653; *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. СПб., 1906. С. 144, 145; *Лорер Н. И.* Записки. М., 1931. С. 218; *Мазур Н. Н.* Дело о бороде: (Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье) // НЛЮ. 1994. № 6. С. 127—138.

А.

Г.

Гродецкая

Винкельман Иоганн Иоахим (1717–1768) — немецкий историк и теоретик искусства. Гончаров сообщает в “Автобиографии” (1859), что после переезда в Петербург (в мае 1835 года) он, упражняясь в стиле, много переводил из Шиллера, Гете и Винкельмана, а также из некоторых английских писателей, и что все эти опыты были им позднее сожжены (*Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 219). Сходные признания содержатся в письме вел. кн. К. К. Романову от января 1884 года (*К. Р.* Избранная переписка. Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 90). А. Ф. Кони вспоминал, что Гончаров, рассказывая о начале своего литературного пути, отмечал: “Особенно меня интересовал Винкельман” (*Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 6. С. 29). В письме графине С. А. Толстой от 11 ноября 1870 года Гончаров делился мечтами о посещении Италии и осмотре ее достопримечательностей с Винкельманом и Вазари в руке (*Гончаров И. А.* Собр. соч. Т. 8. С. 385–386).

Исследователи творчества Гончарова по-разному осмыслили эти свидетельства. А. П. Рыбасов полагал, что именно под влиянием Винкельмана Гончаров начал идеализировать действительность и человека, в связи с чем “подлинно новые люди” Штольц и Тушин созданы по античным образцам и изображены как древние греки (*Рыбасов А. П.* Литературно-эстетические взгляды Гончарова // *Гончаров И. А.* Литературно-эстетические статьи и письма. Л., 1938. С. 38). В. И. Мельник связывал идеи Винкельмана с яркой выраженностью скульптурного начала во внешности Ольги Ильинской в “Обломове” (*Мельник В. И.* Реализм И. А. Гончарова. Владивосток, 1985. С. 115). Р. Ю. Данилевский, пытаясь подвести итоги теме “Гончаров и немецкая культура”, скорее, обобщенно трактовал значение Винкельмана для эстетики Гончарова, как релевантность “принципов простоты и величия” (*Данилевский Р. Ю.* Гончаров и немецкая литература // *Ivan A. Goncarov. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Goncarov-Konferenz. Bamberg, 8.–10. Oktober 1991.* Hrsg. von P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 354).

Более пристальное внимание к художественным текстам Гончарова позволяет существенно дополнить эти наблюдения. Опубликованная не столь давно черновая редакция пятой главы второй части “Обломова” содержит письмо Обломова к Штольцу, в окончательный текст романа не вошедшее. Содержащееся здесь упоминание имени Винкельмана делает релевантность его идей еще более очевидной: “Я опять принялся за Винкельмана...” (V, 222). Так как “скульптурный портрет” Ольги Ильинской находится в той же главе, можно говорить о том, что повествователь доносит до нас точку зрения не только свою, но и точку зрения Обломова — а именно его восприятие внешности Ольги через призму античного ваяния, запечатлевшего, по мнению Винкельмана, гармоническое спокойствие эллинской души.

Из одной реплики Штольца читатели узнают также, что Обломов наедине рассматривает гравюры с изображениями мадонн Рафаэля, “Ночи” Корреджо и Аполлона Бельведерского, а также о том, что мечтает увидеть эти шедевры (IV, 184). Гончаров отсылает тем самым к

шкале ценностей, господствовавшей в петербургской Академии художеств и сформировавшейся под сильным влиянием Винкельмана. Особенно важно в данном контексте упоминание Аполлона Бельведерского, объявленного Винкельманом “высшим воплощением идеала искусства среди всех произведений древности” и ставшего символом его эстетики.

Другая героиня, внешность которой скульптурна, а внутренний мир гармоничен, — это Софья Беловодова в “Обрыве”. Софья кажется Борису Райскому, влюбленному в нее, “картиной или античной статуей”. Заглядывая в ее душу, он находит там лишь “глубокое спокойствие”, Софья кажется ему “картиной или античной статуей музея” (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 5. С. 25). “Скульптурность”, “античность” облика Софьи подчеркивается в романе неоднократно, достигая апогея во сне Райского (Там же. С. 151). Хотя Винкельман в “Обрыве” не назван, но скульптурный образ Софьи (своеобразная *idée fixe* Райского) отсылает именно к традиции почитания его идей в России, ибо в романе говорится о том, что Райский, как и Обломов, в течение некоторого времени прилежно посещал петербургскую Академию художеств, чтобы срисовывать там отливы и статуи.

Не случайно поэтому, что именно Райский произносит в романе восторженный панегирик красоте (Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 5. С. 359). Л. С. Гейро, комментируя этот пассаж романа, указала, что Райский рассуждает в духе платоновского “Пира” (Там же. С. 381; Гейро Л. С. “Сообразно времени и обстоятельствам...” (Творческая история романа “Обрыв”) // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 107). Однако можно указать источник более точно — это содержащееся у Винкельмана в “Истории искусства древности” (часть I, глава IV) определение прекрасного. Утверждая, что красоте присуще некое высшее бытие, Райский считает, что художники лишь собирают рассеянные в природе ее отблески и “силятся творить в искусстве ее образы”, тем самым следуя винкельмановской концепции идеальной красоты (Winckelmann J. J. Geschichte der Kunst des Alterthums. Dresden, 1764. S. 149). Восторженный гимн красоте, вложенный в уста Райского, отсылает прежде всего к кругу идей, в соприкосновение с которыми Гончаров пришел в годы молодости благодаря семейству Майковых. Эти аллюзии подчеркивает ироническую дистанцию как по отношению к увлечениям собственной молодости, так и к автобиографическим персонажам, столь важную для понимания романов Гончарова.

Лит-ра: Рыбасов А. П. Литературно-эстетические взгляды Гончарова // Гончаров А. И. Лит.-эстетические статьи и письма. Л., 1938. С. 5–53; Гейро Л. С. Из истории создания романа “Обрыв” (эволюция образа Райского-художника) // И. А. Гончаров (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 61–84; Мельник В. И. Реализм И. А. Гончарова. Владивосток, 1985; Данилевский Р. Ю. Гончаров и немецкая литература // Ivan A. Goncarov. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Goncarov-Konferenz. Bamberg, 8.–10. Oktober 1991. Hrsg. von P. Thiergen. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 353–364; Постнов О. Г. Эстетика И. А. Гончарова. Новосибирск, 1997; Гейро Л. С. “Сообразно времени и обстоятельствам...” (Творческая история романа “Обрыв”) // Лит. наследство. М., 2000. Т. 102. С. 83–183; Лаппо-Данилевский К. Ю., Мозговая Е. Б. Идеи И. И. Винкельмана и петербургская Академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 155–179; Лаппо-Данилевский К. Ю. Gefühl für das Schöne. J. J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland. Köln; Weimar; Wien 2007; Лаппо-Данилевский К. Ю. Винкельманово описание Аполлона Бельведерского и его русская судьба (в печати).

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Гороховая улица — одна из центральных улиц Петербурга (первонач. назв.— 2-я Адмиралтейская перспектива; Гороховой стала называться в 1756 г. по имени купца Горохова, поставившего здесь первый каменный дом). Берет начало у Адмиралтейства и пересекает четыре административные части города: 1-ю, 2-ю, 3-ю Адмиралтейские и Московскую. При этом 1-я и 2-я Адмиралтейские части, по свидетельству “Путеводителя” 1843 г., были “предназначены для жительства высшего класса общества, сановников, богатейших купеческих фамилий и иностранцев”. “Присутственные места, канцелярии гражданского и военного управления, обширные магазины, лавки и лучшие кондитерские сосредоточены в двух Адмиралтейских частях, оттого и квартиры здесь гораздо дороже, чем в других частях”. 3-я Адмиралтейская часть, включающая Никольский и Сенной рынки, “отличается большею населенностью и может назваться главным пунктом промышленной деятельности Петербурга <...>. Жители ее принадлежат к среднему и низшему классу общества...”. Кварталы же Гороховой ул. в Московской части (от Фонтанки до Звенигородской ул.) “представляют будто отдельный мир гражданских чиновников, отставных военных, искателей мест, ходатаев по делам и мелочных спекулянтов. Квартиры здесь дешевле и просторнее, хозяйки менее бранчивы и добрее, чем в центре города, оттого-то бессемейные люди преимущественно стараются приискывать себе здесь помещения на хлебах” (Пушкарев. С. 73—75).

На квартире Ильи Ильича “в Гороховой улице” начинается действие “Обломова”. О месте жительства гончаровского героя Н. И. Соловьев писал: “Странно только, что автор поместил своего героя в Петербурге, да еще на самой многолюдной улице, на Гороховой; самое настоящее место его — в Москве, на какой-нибудь Спиридоновке; всё, что идет на покой, отправляется в Москву” (“Обломов” в критике. С. 169). На Гороховой проживали и Зуровы, герои ранней повести Гончарова “Лихая болезнь” (1838) (см.: I, 37).

Гороховая ул. упоминается у Пушкина (“Барышня-крестьянка”), Лермонтова (“Княгиня Лиговская”), Гоголя (“Невский проспект” и др.), Достоевского (“Бедные люди”, “Идиот”); выразительное описание одного из домов на Гороховой оставил А. И. Герцен (письмо к Ю. Ф. Курута от 11 июня 1840 г. — *Герцен*. Т. 22. С. 81). В 1840-х гг. И. С. Тургенев “задумал серию очерков о жизни “петербургских углов”, о сумрачном городе, о пестром люде, населяющем его центральные улицы и отдаленные кварталы”. Среди записанных им “сюжетов” под третьим номером значилось: “Один из больших домов на Гороховой и т. д.” (Тургенев. Соч. Т. 1. С. 415). На Гороховой же “поселил” Н. Г. Чернышевский героиню романа “Что делать?” Веру Павловну (“в многоэтажном доме <...> между Садовой и Семеновским мостом”), сделав это, как предположил Ю. Лоциц, в полемических по отношению к гончаровскому роману целях: “Этой героине романа-утопии Чернышевского тоже будут сниться сны-мечты. Но обращенные не в прошлое, не к идиллической обстановке помещичьего быта, а в совершенно противоположную сторону...” (Лоциц. С. 190).

Лит-ра: *Обломов ЛП*. С. 650.

А. Г. Гродецкая

Грамотность (народа) — одна из злободневных и полемически острых проблем конца 1850-х гг. В словах: «Грамотность вредна мужику: выучи его, так он, пожалуй, и пахать не станет...» (ч. 2, гл. 3; IV, 167) - Обломов обнаруживает очевидную ретроградность. О близости этого суждения тому, «что возвестил миру Гоголь в “Выбранных местах из переписки с друзьями”», писал Д. Н. Овсяннико-Куликовский (Овсяннико-Куликовский 1989. Т. 2. С. 240). Кроме того, слова Ильи Ильича, как отметила Л. С. Гейро (см.: «Обломов» ЛП. С. 665—666), звучат отголоском споров, вызванных появлением в печати статей В. И. Даля «Письмо к издателю» (Русская беседа. 1856. № 3), «Заметка о грамотности» (ОЗ. 1857. № 2),

«О грамотности» (СПбВед. 1857. № 245), в которых речь шла о вреде грамотности для простонародья. «Грамота сама по себе ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит, — писал Даль. — Перо легче сохи; вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие, норовит в ходоки, коштаны, мироеды, а не в пахари, он склоняется не к труду, а к тунеядству» (Русская беседа. 1856. № 3. Смес. С. 3). Эту точку зрения поддерживали и официальные органы печати (ср.: Выписка из письма по поводу статей В. И. Даля // СПч. 1857. № 278; Н. Ф. О распространении грамотности в народе // Земледельческая газета. 1858. № 99. 12 дек.).

Выступления против грамотности вызвали почти единодушную отрицательную реакцию общества и прессы, в частности с Далем резко полемизировал Е. П. Карнович (С. 1857. № 10. Отд. II. С. 123-138; № 12. Отд. II. С. 167—176). Добролюбов, видя в Дале «упорного врага крестьянской грамотности», по поводу полемики вокруг «вреда» грамоты иронизировал в статье «Литературные мелочи прошлого года» (С. 1859. № 4): «...вопрос о грамотности сделал в течение прошлого года истинно замечательные успехи. Почти решено, что грамотность не ведет народ к гибели. С благородной прямою и смелостью выразился один из защитников грамотности, что "вреда от грамотности нельзя ждать большого!"» (Добролюбов. Т. 4. С. 101). Чернышевский, публикуя в С письмо читателя с возражениями Далею, во вступлении сожалеет, что Даль «так мало знает нужды нашего народа», и высказывает удовлетворение «неудовольствием, возбужденным во всех благомыслящих людях мнениями г-на Даля» (Чернышевский. Т. 4. С. 872).

В полемику позднее включился священник и публицист И. С. Беллюстин, поддержавший Даля в статье «Теория и опыт»: «...вместе с грамотностью развивались в народе не польза и благо, а зло и вред» (ЖМНП. 1860. № 10. С. 43). На эту статью отреагировал Некрасов в «Свистке» (С. 1860. № 12. «Свисток». № 6. С. 34; без подписи):

Припомним,	что	не	без	искусства
На	грамотность	ударил	Даль	—
И	обнаружил		много	чувства
И	остроумье,		и	мораль;
Но	отразил		его	Карнович,
И	против		грамоты	один
Теперь		остался		Беллюстин!

(Некрасов. Т. 2. С. 81).

Много внимания вопросу о «вреде» грамотности уделил в 1861 г. Достоевский («Петербургские сновидения в стихах и прозе», «Ряд статей о русской литературе»), писавший: «Известен факт, что грамотное простонародие наполняет остроги. Тотчас же из этого выводят заключение, что не надо грамотности. Логически ли это? Нож может обрезать, так не надо ножа. <...> Но не лучше ли было бы вам, господа, обратить сперва внимание на те обстоятельства, которыми обставлена в нашем простонародье грамотность, и посмотреть, нельзя ли как устранить эти обстоятельства, а не лишать весь народ духовного хлеба» (Достоевский. Т. 18. С. 62—63).

Едва ли не единственным, кто полностью принял и разделил позицию Даля, был занимавшийся народной педагогией Лев Толстой. Министру народного просвещения (1858—1861) Е. П. Ковалевскому он писал в марте 1860 г.: «Над спорами, полезна ли грамотность, или нет, не следует смеяться. Это очень серьезный и грустный спор, и я прямо беру сторону отрицательную» (Толстой. Т. 60. С. 329). И к той же теме вернулся в статье «Прогресс и определение образования» (1863): «Г-н Даль, добросовестный наблюдатель, обнаружил свои наблюдения о влиянии грамотности на народ. Он объявил, что

грамотность развращает людей из народа. На наблюдателя посыпались неистовые крики и ругательства всех верующих в прогресс; решили, что грамотность была вредна, когда она была исключением, и что вред ее уничтожится, когда она сделается общим правилом. Это предположение, может быть, остроумное, но только предположение» (Толстой. Т. 8. С. 241).

Показательно, что Даль не включил слова «грамотность» в свой Словарь, что было с его стороны, как заметил Ю. С. Сорокин, очевидной демонстрацией (Сорокин. С. 199).

Лит-ра: Некрасов. Т. 2. С. 350, 364-365; Достоевский. Т. 18. С. 267; «Обломов» ЛП. С. 665—666; *Порудоминский В.* 1) Даль. М., 1971. С. 324-331; 2) Из заметок далеведа // Порудоминский В. О Толстом. СПб., 2005. С. 198—206; Кантор. С. 126.

А.

Г.

Гродецкая

Дилижанс (*фр.* diligence — старание, прилежание) — “общественная карета, ходящая между 2-мя пунктами по определенному направлению. Название произошло от непрерывной езды таких карет” (*Толль.* Т. 2. С. 49).

“Отсюда дилижанс ходит за полтинник...” — говорит Обломов приехавшему к нему на дачу Тарантьеву (ч. 3, гл. 1; IV, 290). Судя по стоимости проезда в Петербург дилижансом, Обломов жил в Парголово (см.: *Парголово*). Почт-дилижанс также имеет в виду Штольц, когда предлагает Обломову маршрут заграничного путешествия и, кроме того, самые современные средства передвижения: “Выдумал тарантас! До границы мы поедем в почтовом экипаже или на пароходе до Любека, как будет удобнее; а там во многих местах железные дороги есть” (ч. 2, гл. 4; IV, 185).

Дилижансы, платные общественные экипажи на конной тяге, перевозившие в определенное время по постоянному маршруту пассажиров и почту, впервые появились в Париже в конце XVII века; в Европе использовались до втор. пол. XIX в. В России этот вид транспорта был введен в обиход в 1820 г. В отличие от омнибусов, многоместных экипажей, курсировавших по постоянным маршрутам в пределах города, дилижансы предназначались для дальних поездок — за пределы города и между городами. По свидетельству И. И. Пушкирева, “со времени устройства у нас пароходов, дилижансов, омнибусов и железной дороги сделалось возможным почти для всякого человека среднего сословия посещение прелестных окрестностей Петербурга. За умеренную цену, без особенных издержек на наем экипажей, защищаемые от пыли и дождя, жители столицы могут ныне спокойно посещать даже Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск, Шлиссельбург, Кронштадт, Сестрорецкие заводы” (*Пушкирев И. И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1841. Ч. 3. С. 165). Средняя упряжка дилижанса состояла из 4-х лошадей, средняя скорость составляла 9-10 км/ч. Внутри кузова, разделенного перегородкой на две части, “помещались четыре пассажира, которые сидели спиной друг к другу — двое по ходу движения и двое против; еще два седока могли расположиться над козлами, на сиденьях, запахивающихся полостями. На наружных местах ездили только летом” (цит. по: *Кардаш Е. В.* Средства передвижения // *Быт пушкинского Петербурга.* Т. 2. С. 283). В Петербурге в 1830-1850-х гг. имелось несколько контор дилижансов, располагавшихся в районе Большой и Малой Морской улиц.

Упоминания о передвижении в почтовом экипаже, или мальпосте (*фр.* malle-poste — почтовая карета), часто встречаются в письмах Гончарова из-за границы 1857 и 1859 гг. См. также: *Железные дороги; Любек; Тарантас.*

Лит-ра: Пушкарев. С. 383—384; Михневич. С. 66; Греч. С. 194—195.

А. Г. Гродеукая

Милютины лавки (Милютинские, Милютины ряды) — «фруктовые, занимающие по северной стороне Невского проспекта все пространство от Казанского моста до Серебряного ряда, <...> исстари славились продажей ранних фруктов, ягод и привозных сластей. С некоторого времени, однако, между фруктовыми лавками начали там показываться лавки галантерейных товаров и тому под<обные>» (Греч. С. 350). Покупки в Милютиных лавках - свидетельство изысканного вкуса покупателя, что и отличает «в гастрономическом отношении, великого эпикурейца» Ивана Матвеевича Мухоярова, который «иногда сам обходит и обнюхает, как легавая собака, рынок или Милютины лавки...» (ч. 4, гл. 1; IV, 376). Торговые ряды упоминались и в рассказе о первых годах жизни Ильи Ильича в Петербурге (в первоначальной редакции первой части романа): «...он еще любил выехать перед обедом прогуляться, заехать в Милютины лавки, купить что-нибудь лакомое к столу...» (V, 88). Эту подробность в романе Г. (наряду с некоторыми другими) можно рассматривать как автопортретную. Очевидно, что автор «Обломова» бывал в Милютиных лавках. Они упомянуты, к примеру, в его письме к Евг. В. Майковой (дочери Вл. Н. Майкова) из Мариенбада 8 (20) июня 1859 г.: «...мы все на улицах покупали такую землянику в Дрездене и Лейпциге, такую клубнику, какую у нас выставляют в Милютиных лавках только напоказ» (Цейтлин. С. 458).

Двухэтажный дом купца Алексея Ивановича Милютина с 14 лавками в нижнем ярусе был построен в 1737—1742 гг. (перестраивался в 1770-х и 1820-х; совр. адрес: Невский пр., д. 27). В верхнем этаже дома размещалась позументная и парчовая фабрика Милютина (первая в России), лавки отдавались внаем купцам, торговавшим овощами, свежими и сушеными фруктами, ягодами и вареньем, сахаром. Здесь же продавались дорогие вина, сыры, устрицы. Некоторые редкие товары продавались только в Милютиных рядах либо в лавках Биржи. Свое название ряды сохраняли до 1920-х.

Милютины лавки традиционно упоминаются в «петербургских» текстах - в «Черной курице» (1829) А. Погорельского, «Двойнике» (1846) Достоевского, в комедии Тургенева «Холостяк» (1849), «Современной идиллии» (1877—1883) Салтыкова-Щедрина и др.

Дорогие торговые ряды, обслуживавшие главным образом петербургскую знать, любителей разного рода изысков (устрицы, свежие фрукты и проч.), имели вполне определенную репутацию, которая отразилась в литературных текстах демократической направленности. Например, в ст-нии Н. Л. Ломана (Н. Гнута) «Перед Милютиными лавками» (1860), пародировавшем тютчевское «Пошли, Господь, свою отраду...»:

Пошли,		господь,		свою		подачку
Тому,		кто		жаркою		порой,
Как	утлый	челн		в	морскую	качку,
Идет		по		знойной		мостовой...
Он	смотрит		к	Вьюшину		тоскливо
В	окно		на	крупный		виноград,
На		абрикосы,		дули,		сливы,
На		пастилу		и		мармелад.
Не	для		него	кокос,		арбузы,
Гранаты		в		золотом		огне,

Не для него и толстопузый
 Гомар разлежся на окне...
 И фрукт привозный, из Мессины,
 Напрасно взор его манит:
 Сок ароматный, апельсинный,
 Увы, его не освежит!..
 Так облегчи, господь, вериги
 Тому, кто много претерпел,
 Кто в здешней жизни, кроме фиги,
 Других плодов еще не ел.
 (Русская стихотворная пародия. С. 499)

«Герои» Милютиных рядов, светские «франты», становятся объектом сатиры и в ст-нии Д. Д. Минаева «Первое января» (1862) со следующими строками:

Кружева модниц, рубины булавок, -
 Вот и герои Милютиных лавок,
 Баловни счастья и щедрой судьбы...
 Как металлически светят их лбы!
 В лицах читаешь всю важность их целей:
 «Устриц бы свежих, да свежих камелий!..»
 Блеском нарядов смущается глаз
 Бархат и соболь и мягкий атлас...
 (Минаев Д. Избранное. Л., 1986. С. 46).

Лит-ра: Пушкирев 1843. С. 241; Михневич. С. 475-476; Кони. Т. 7. С. 63; Кириков. С. 133—135.

А.

Г.

Гродецкая

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — публицист, социолог, критик, теоретик народничества. В 1860-х гг. публикует первые статьи и рецензии в разных периодических изданиях, с 1868 г. активно участвует в “Отечественных записках”, после закрытия журнала в 1884 г. печатает свои работы в “Северном вестнике” и в “Русских ведомостях”, а с 1892 г. становится одним из ведущих сотрудников “Русского богатства”. Наиболее известные работы Михайловского-критика посвящены Ф. М. Достоевскому (“Жестокий талант” — ОЗ. 1882. № 9, 10), Л. Н. Толстому (“Десница и шуйца Льва Толстого” — ОЗ. 1875. № 5, 7), М. Горькому (О г. Максиме Горьком и его героях” — Русское богатство. 1898. № 9).

Творчество Гончарова рассматривается в первой опубликованной работе Михайловского — написанной еще во время обучения в Горном институте (1856—1862) рецензии ““Софья Николаевна Беловодова”. Пять глав из романа “Эпизоды из жизни Райского” И. А. Гончарова. (“Современник”, № 2, Февраль 1860 г.)” (Рассвет. 1860. № 4). Статья построена на сопоставлении отрывка из будущего романа “Обрыв” с “Обломовым”. По мнению Михайловского, оба эти произведения основаны борьбе “элементов спящего и будящего” (Михайловский 1913, 371). “Спящими” героями критик называет Обломова и Софью Николаевну Беловодову, тогда как к “будящим” относит Ольгу, Штольца и Райского:

“деятельность есть для них потребность. Это люди с силами напряженными до высшей степени; это анти-русские типы в этом отношении” (Михайловский 1913, 372). Далее Михайловский анализирует образы Ольги и Софьи Николаевны. Критик приходит к выводу, что подлинная любовь Ольги к Обломову психологически невозможна: Ольга “любит свои планы относительно его возрождения, любит на них и в них, как в зеркале, любит на самое себя. Она полюбила бы, может быть, Обломову, если бы ей удалось его переработать. Но Обломов не мог перестать быть Обломовым, а потому Ольга не только не любила, но и не могла его никогда любить” (Михайловский 1913, 372). По тем же причинам Райский не способен полюбить Софью Николаевну. Сопоставление двух женских образов приводит Михайловского к парадоксальному выводу: “Софья Николаевна и Ольга, несмотря на их видимое, по крайней мере, кажущееся с первого взгляда различие, весьма близки между собою: в основе обоих характеров лежит эгоизм; но Ольгу этот эгоизм побуждает к деятельности, а Софью Николаевну, напротив, к полному бездействию” (Михайловский 1913, 380). Причины такого эгоистического развития обеих героинь критик видит в неправильном воспитании и положении женщины в русском обществе. Одностороннее изображение Софьи Николаевны, существование которой сводится к абсолютной физической и духовной бездеятельности, кажется Михайловскому художественным просчетом автора: “в основании характера Софьи Николаевны лежит уже ошибка, которая состоит в том, что автор представил женщину совершенно без сердца, тип невозможный” (Михайловский 1913, 378). Критик скептически относится к героине нового произведения Гончарова: “Что прибавит она к заслуженной славе г. Гончарова? Если бы меня не пугал авторитет певца Обломовщины, я бы сказал: немного...” (Михайловский 1913, 380).

Впоследствии Михайловский вспоминал о своей ранней статье с иронией: “статейка была, должно быть, очень курьезная. Дело в том, что я тогда женщин не только не знал, а почти что и не встречал. Оторванный волею судеб с 14-ти лет от всякой семейной обстановки, заключенный в четырех стенах закрытого заведения и долго не имея в Петербурге никаких знакомых, я только перед самым своим выходом из корпуса, можно сказать, увидел женщин. Отсюда следует заключить, что в статейку о Софье Николаевне Беловодовой едва ли вложено особенно глубокое понимание, хотя тогда я, разумеется, был совершенно иного мнения об этом своем первенце” (Михайловский 1995, 216). Основания для такой оценки своей ранней статьи у Михайловского действительно имелись: большинство высказанных в ней положений не выглядят оригинально на фоне более ранних критических отзывов об “Обломове”. Так, мысль о принципиальном значении воспитания и среды для героев Гончарова высказывается Н. А. Добролюбовым в статье “Что такое обломовщина?” (Современник. 1859. № 5), противопоставить статичное русское и динамичное немецкое начало в романе “Обломов” пытается А. П. Милюков в своей работе “Русская апатия и немецкая деятельность (“Обломов”, роман Гончарова)” (“Светоч”, 1860, № 1), а пассаж о том, что Ольга в действительности не любит Обломова, очень близок к рассуждениям Н. Д. Ахшарумова: “кого же она любила?.. Любила свой призрак, свою фантазию, свою личную мечту и задачу, или, что то же, любил самое себя” (Ахшарумов Н. Д. “Обломов”. Роман И. Гончарова. 1859 // “Обломов” в критике. С. 158; впервые: Русский вестник. 1860. № 2). Вместе с тем, уже в первой статье Михайловского заметен интерес к разработанным им впоследствии социальным проблемам, таким, как роль активной личности в обществе и “женский вопрос”.

В поздних работах Михайловский редко обращается к творчеству Гончарова. Обычно Гончаров выступает в статьях Михайловского как характерный представитель старой литературы, неинтересной для нового читателя, хотя талант автора “Обломова” и не отрицается. Например, в работе “Г. И. Успенский как писатель и человек” Михайловский противопоставляет пришедшим в литературу в 1860-е годы писателям “тогдашнее старшее поколение беллетристов, в лице Тургенева, Гончарова, Островского”, которое “давало

высокие образцы вполне правильного в архитектурном смысле и вполне законченного творчества” (*Михайловский Н. К.* Г. И. Успенский как писатель и человек // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С. 319; впервые: Успенский Г. И. Соч.: В 2 т. Т. 1. СПб., 1889). Творчество “старшего поколения беллетристов”, по мнению Михайловского, уже в 1860-е гг. начинает утрачивать актуальность.

Лит-ра: *Михайловский Н. К.* “Софья Николаевна Беловодова”. Пять глав из романа “Эпизоды из жизни Райского” И. А. Гончарова. (“Современник”, № 2, Февраль 1860 г.) // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 10. СПб., 1913. Стб. 369–382 (переизд.: И. А. Гончаров в русской критике. М., 1958. С. 184–195); *Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания // Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 215–219; *Аверин Б.* Социологическая критика Н. К. Михайловского // Михайловский Н. К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX — начала XX века. Л., 1989. С. 6–8; *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х–начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 48; *Горев Б. И.* Николай Константинович Михайловский. Его жизнь, литературная деятельность и мирозерцание. [Б. м.], 1931. С. 10–11; *Русанов Н. С.* Михайловский X-го тома // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 10. Стб. IV–V; *Billington, James H.* Mikhailovsky and Russian Populism. Oxford, 1958. P. 16–17.

К. Ю. Зубков

Музыка в романе — значимый сюжетобразующий фактор «Обломова» и один из способов его семантической детализации. В настоящий момент наиболее изучен лирический лейтмотив «Casta diva» (см. *Casta diva*), используемый для моделирования и смены повествовательной ситуации. К другим аспектам музыкальной образности в романе относятся: создание дополнительных портретных характеристик, включенных в общую систему персонажей по принципу «музыкального контраста» и введение в повествование исторических музыкальных реалий, поддерживающих пространственно-временную структуру произведения. По мнению Я. М. Платека, в мире «Обломова» «музыка, как развернутый образный элемент, приходит на помощь слову в кульминационные, узловые моменты повествования» (*Платек Я. М.* «Музыка в нервах»: Проза И. А. Гончарова // Платек Я. М. Под сенью дружных муз. М., 1987. С. 97), обеспечивая движение текста в целом.

Отличительной особенностью музыкальности Гончарова, которой он наделил и своих любимых героев — Ольгу Ильинскую и Илью Обломова — являлось предпочтение вокальной музыки. Равнодушие к инструментальным жанрам объяснялось в числе прочего тем, что романтический культ Гениального солиста (Паганини, Лист, К. Шуман), владеющего инфернальными тайнами «чистой» музыки, уходил в прошлое, уступая место возрождению синтетического искусства музыкальной драмы, а интересы русского общества второй четверти XIX в. так или иначе вращались вокруг итальянской оперы. На этом фоне представляется значимым любое отступление от сферы музыкальных интересов центральных героев «Обломова», и музыкальные предпочтения Штольца относятся к ним по принципу «музыкального контраста». Симпатии Штольца мотивируются детским воспоминанием о домашнем музицировании матери, всецело поглощенной творчеством Анри Герца, однако музыка этого французского (по происхождению немецкого) композитора, модного пианиста и успешного музыкального фабриканта имеет подчеркнuto салонный характер и предельно далека от взволнованных мелодий итальянской оперы. Незадолго до выхода «Обломова», в марте 1859 г. Герц дал три концерта в Петербурге. По обыкновению исполнителей-виртуозов того времени, программа его концерта была

составлена из собственных сочинений автора среди которых заметным образом преобладали «блестящие» вальсы, «военные» фантазии и «бравурные» вариации (Афиши Санкт-Петербургских Императорских театров на 1859 год. СПб., 1859. 9, 13 и 20 марта).

В повести В. А. Соллогуба «История двух калош» (1839), главными героями которой являлись бедная компаньонка княгини и талантливый музыкант Шульц, на вопрос, что он думает о музыке Герца, следовала беспощадная характеристика: «Я думаю, что это не музыка <...>. Когда актер выступает на сцену и красноречивым искусством выражает вам все человеческие страсти, неужели не отдадите вы ему преимущества перед бессмысленным прыгуном, который кувыркается перед толпой? Когда живописец, свыше вдохновенный, изобразил вам святой лик Мадонны, неужели вы станете восхищаться карикатурами? Отчего же вы думаете, что в музыке нет подобных степеней, что в музыке нет прыгунов, нет жалких карикатур? Поверьте мне: все эти концертные фокусы не что иное, как карикатуры» (Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 35). Мать Штольца, как и героиня Соллогуба, когда-то была гувернанткой в родовитом княжеском семействе, и ее музыкальные наклонности (или обязанности) сами по себе не могли создать смыслового напряжения в семантическом поле «Обломова». Противоречие возникало в момент пересечения ее музыкальных вкусов с идеалом семейного счастья Андрея Штольца: «Всё теперь заслонилось в его глазах счастьем: контора, тележка отца, замшевые перчатки, замасленные счеты — вся деловая жизнь. В его памяти воскресла только благоухающая комната его матери, варьяции Герца, княжеская галерея, голубые глаза, каштановые волосы под пудрой — и всё это покрывал какой-то нежный голос, голос Ольги: он в уме слышал ее пение...» (IV, 422). Приведенные музыкальные ряды, сопротивляющиеся против совмещения их в единое целое, вызывают в читательском восприятии закономерный вопрос о природе музыкальности третьего главного героя «Обломова».

Приведя друга в дом Ольги, Штолец всячески настаивает, чтобы Обломов непременно послушал пение хозяйки, отрекомендовав приятеля как страстного любителя музыки. Возражения Обломова на этот счет им не принимаются, так как, по мнению Штольца, человек определенного круга и воспитания обязан быть любителем музыки (IV, 194). При сопоставлении этой сцены с сентенцией Штольца о релаксационной роли музыки: «...работать, чтоб слаще отдыхать, а отдыхать — значит жить другой артистической, изящной стороной жизни, жизни художников, поэтов» (IV, 181) становится понятным, что процесс непосредственного восприятия музыки в сознании этого героя замещен более абстрактным переживанием — приобщения к высшим культурным ценностям. Такое отношение к музыке контрастирует с музыкальным мировоззрением автора «Обломова» и его любимых героев. По мысли Гончарова, высшей степенью музыкальности является способность к творческому переживанию разнообразно звучащего мира, а не заранее детерминированное, «культурное» восприятие отдельного музыкального произведения. Ни Ольга с ее интимной, далекой от салонного виртуозничанья преданностью музыке («Любила она музыку, но пела чаще втихомолку, или Штольцу, или какой-нибудь пансионной подруге» — IV, 190), ни Обломов, воспринимающий музыку вне какого бы то ни было социального кода, не согласились бы с утилитарным назначением музыки — помочь «отдохнуть» от жизни. Для обоих музыка является одним из проявлений самой жизни и как любое другое обстоятельство в ряду жизненных событий, кроме удовольствия может вызвать активное неприятие:

«— Какая же музыка вам больше нравится? — спросила Ольга.

— Трудно отвечать на этот вопрос! Всякая! Иногда я с удовольствием слушаю шарманку, какой-нибудь мотив, который заронился мне в память, в другой раз уйду на половине оперы;

там Мейербер зашевелит меня; даже песня с барки: смотря по настроению! Иногда и от Моцарта уши зажмешь...

— Значит, вы истинно любите музыку» (IV, 195).

В то же время (и это составляет важное отличие гончаровской эстетической модели от предшествующей эпохи романтизма), гипертрофированная музыкальная чувствительность главных героев «Обломова» дана им не для того, чтобы вознестись при помощи высокого музыкального наслаждения «от мира сего», а затем, чтобы саму музыку возвысить до «просто жизни». Эта, только обозначенная в «Обломове» тема будет затем подробно разработана в сюжетной сфере художника Райского в романе «Обрыв».

Кроме структурообразующих и семантических свойств музыкального кода «Обломова», музыка используется в виде исторических реалий, поддерживающих и одновременно уточняющих время действия романа. Среди специалистов бытует мнение (отчасти поддержанное высказываниями самого писателя), что реалии первой части «Обломова» относятся к эпохе конца 1840-х годов, тогда как последующий текст произведения приближен к концу 1850-х. Музыкальные реалии повествования - реплика Волкова на первых же страницах романа и разговор Штольца, Ольги и ее тетки об Обломове, относящийся к событиям третьей части говорят об обратном, так как содержат упоминание об абонементе в Итальянскую оперу и искусстве Рубини: «Вот опера будет, я абонируюсь» (IV, 19); «"Он <Обломов> ужасно ленив, — заметила тетка <...>. Вообразите, абонировался в оперу и до половины абонемента не дослушал". "Рубини не слышал" — прибавила Ольга» (IV, 399). В сопоставлении с историей русской императорской сцены из этого следует, что время действия первых трех частей романа занимает около года и может быть соотнесено только с 1843, либо 1844 годом. Примерно к этому же периоду относятся события из эпилога «Обыкновенной истории», ср.: «Знаешь что? — вдруг сказал Петр Иванович, — говорят, на нынешнюю зиму ангажирован сюда Рубини; у нас будет постоянная итальянская опера; я просил оставить для нас ложу - как ты думаешь?» (I, 459).

Лит-па: *Fisher L., Fisher W.* Bellini's "Casta Diva" and Goncarov's Oblomov // *Mnemozina Studia litteraria russica in honorem Vsevolod Setchkarev.* Munchen, 1974. P. 105—116; *Fried I.* L'air "Casta Diva" dans "Oblomov" de Gontcharov // *Revue de Litterature Comparee.* Paris, 1987. № 3. P. 284—293; *Платек Я. М.* "Музыка в нервах": Проза И. А. Гончарова // *Платек Я. М.* Под сенью дружных муз. М., 1987. С. 87—112; *Недзвецкий В. А.* И. А. Гончаров — романист и художник. М., 1992. С. 115—118; *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994. С. 117—119; *Янушевский В. Н.* Музыка в тексте // *Русская словесность*, 1998. № 4. С. 56—60; *Buckler J. A.* The Literary Lorgnette. Attending opera in Imperial Russia. Standford, 2000. P. 157—163; *Старыгина Н. Н.* Образ Casta Diva как центр лейтмотивного комплекса образа Ольги Ильинской («Обломов» И. А. Гончарова) // И. А. Гончаров. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 92-99; *Мышьякова Н. М.* 1) Литература и музыка в русской культуре XIX века. Оренбург, 2002; 2) К проблеме "музыкальности" литературного произведения // *Русская словесность*, 2004. № 1. С. 5—10; *Калинина Н. В.* Музыка в жизни и творчестве Гончарова // *Русская литература*, 2004. № 1. С. 3—32; *Ермакова Н. А.* «Гораций с Поволжья» или «Casta diva» в русской Обломовке // *Образы Италии в русской словесности XVIII-XX вв.* Томск, 2009. С. 129—143.

Н. В. Калинина

Пороховые заводы (Пороховые) — местность на северо-востоке Петербурга, на левом берегу р. Охты, граничащая с Выборгской частью. «В Ильинскую пятницу на Пороховые

Заводы ходили», — сообщает Обломову Агафья Матвеевна, прибавляя, что обычно в этот день народу там «много бывает» (ч. 3, гл. 2; IV, 298). В 1715 г. по указу Петра I в среднем течении р. Охты были сооружены «пороховые мельницы», позднее — Охтинский пороховой завод, вблизи которого возникли поселения рабочих людей — Пороховые слободы (в просторечии — Пороховые), постепенно название распространилось на всю местность. В 1721 г. при заводах была построена церковь Илии Пророка, в 1722 г. при церкви основано Пороховское кладбище. «Из празднеств, совершаемых при сем храме, достойно особенного внимания одно, в день Илии Пророка (20 июля), по следующему случаю. В 1730 году, среди лета, Петербург постигнут был столь великою засухой, что все леса в окрестностях столицы горели, и густой дым затмевал почти солнечное сияние. Тогда императрица велела, для умилоствления Бога, совершить со всем синклитом, находящимся в Петербурге, крестный ход к церкви Илии Пророка, и после сего вскоре благотворный дождь освежил атмосферу. Императрица Елизавета Петровна <...> установила с 1744 года крестный ход ежегодно» (Пушкарев 1843. С. 276—277). Крестный ход совершался вокруг заводов (см.: Михневич. С. 165; Приб. С. III); в этот день «на Пороховые собиралось до 150 тыс. верующих и проходило большое народное гулянье» (Святые Санкт-Петербурга. Т. 1. С. 188). Особо почитаема была и часовня Св. Параскевы Пятницы при храме Илии; в день памяти Параскевы Пятницы (28 октября) на Пороховые также стекалось большое количество народа (Там же).

Лит-ра: *Каменев К. И.* Историческое описание Охтенского порохового завода. СПб., 1891; *Охта, Пороховые: Страницы истории / Сост. Е. М. Мухина.* СПб., 2003.

А. Г. Гродецкая

Преподавание в школе. Укоренившееся в общественном сознании представление о Гончарове как одном из классиков русской литературы способствовало изучению его наиболее известного произведения в школе. Школьное преподавание «Обломова» постоянно испытывает сильное влияние и политических установок определяющего стандарты преподавания государства, и развития научных и критических трактовок романа. В свою очередь, школа в значительной степени определяет массовое восприятие романа Гончарова.

Школьные учителя обращаются к роману Гончарова вскоре после его публикации: короткие разделы о нем, в основном, варьирующие суждения Добролюбова, появляются в учебниках уже в первой половине 1860-х гг. (см.: *Пособие при преподавании истории русской словесности / Сост. Е. Судовщиков.* Киев, 1863). Тогда же отрывки из «Обломова» впервые вводятся в хрестоматии (*Русская хрестоматия с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений / Сост. А. Филонов.* Т. 1. [Изд. 2-е.] Эпическая поэзия. СПб., 1864). Узнав о преподавании своих произведений в школе от одного из учителей, писатель «был как будто изумлен этим» (Гончаров в воспоминаниях. С. 147). «Стихийное» преподавание «Обломова» школьникам старшего возраста было прекращено в начале 1870-х гг., когда Министерство народного просвещения потребовало строгого соблюдения установленных программ, куда современная русская литература не вошла (гимназический курс словесности заканчивался творчеством Н. В. Гоголя). Тогда же «Обломов» исключается из хрестоматий для школьников старшего возраста. Напротив, в хрестоматиях для начальных классов «Сон Обломова» появляется постоянно вплоть до нашего времени, в особенности те фрагменты, где важную роль играет тема детства, актуальная для потенциальных читателей. Произведения Гончарова могут изучаться лишь в немногочисленных учебных заведениях, не находившихся в подчинении Министерства народного просвещения, например, в женских гимназиях Ведомства императрицы Марии, программа которых точно не определена. Впрочем, большинство преподавателей, вероятно, ориентируются при составлении программы на существующие учебники и хрестоматии, где Гончаров и его современники почти не упоминаются.

Многочисленные пожелания преподавателей словесности включить в программу новейшую русскую литературу были реализованы в 1903—1904 гг., когда роман «Обломов» вошел в программу 7 класса гимназий и реальных училищ, вместе с другими произведениями русской литературы середины 19 в. В программу также были включены «Обыкновенная история» и статья Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина». Расширение программы было мотивировано желанием, «чтобы учащиеся выяснили себе богатое содержание русской литературы за эти два века ее жизни и приучились спокойно разбираться не только в явлениях литературного характера, но и в явлениях самой жизни, прошлой и настоящей, поскольку она выразилась и выражается в произведениях нашей литературы» (Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 7. С. 85). Вскоре роман Гончарова начинает изучаться и в семинариях и женских гимназиях. Характеристики биографии и творчества Гончарова вскоре входят в основные школьные учебники и в популярные брошюры для учащихся, а образцы посвященных ему сочинений — в сборники образцовых работ. Автор наиболее широко распространенного школьного учебника словесности начала XX в. «старался избегать слишком оригинальных суждений и, напротив, старательно придерживался общепринятых мнений» (*Сиповский В. В.* История русской словесности. Ч. III. Вып. II. (Очерки русской литературы 40-60 годов). Изд. 2-е. СПб., 1908. С. VIII). Во всех популярных учебниках «Обломов» разбирается в духе культурно-исторической школы, по преимуществу с опорой на «Историю русской интеллигенции» Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Из работ современников авторы учебников обычно предпочитают раннюю статью Д. И. Писарева, с их точки зрения, отличающуюся наиболее сдержанным тоном и свободную от пристрастных оценок и суждений. Разбор «Обломова» в основном сводится к характеристике трех центральных действующих лиц. Авторы учебных пособий обращают внимание на образ главного героя, который определяется одновременно и как тип дворянина переходной эпохи, и как воплощение национальных и общечеловеческих черт характера. Характеристика Штольца и Ольги обычно опирается на статью Добролюбова «Что такое обломовщина». Немногочисленные пособия, выдержанные в другом духе, обычно не разрешаются Министерством народного просвещения в качестве школьных учебников. В связи с появлением работ Е. А. Ляцкого характеристики романа как объективного постепенно становятся реже, однако общая тенденция практически не изменяется.

В течение нескольких лет после Октябрьской революции 1917 г. обязательная программа по литературе фактически отсутствует, однако в силу инерции преподавание «Обломова», видимо, в большинстве средних учебных заведений продолжается. С 1925 г. литература в школе изучается по порядку следования описанных в ней экономических формаций и общественных классов; роман Гончарова рассматривается исключительно в качестве достоверной картины дворянской жизни, охарактеризованной как невозвратно ушедшее прошлое, а статья Добролюбова исчезает из школьной программы. Такой подход продолжает господствовать и в школах крестьянской молодежи до 1930-х гг. (отрывки из романа входили в тему «Крепостническая Россия»), однако в городской средней школе уже в 1927 г. значительным становится влияние работ В. Ф. Переверзева, продолжавшееся и после разгрома «переверзевщины» в 1930—1931 гг. Переверзевская точка зрения особенно последовательно проводится в учебниках для рабфаков, где положительный идеал автора «Обломова» определяется так: «дворянство должно, так сказать, обуржуазиться, а буржуазия — облагородиться» (*Андреев Н., Голубев В., Каган А., Ровда К.* Учебник по литературе для второго курса рабфаков. М.; Л., 1932. С. 34). Идеалом буржуазной деловитости объявляется Штолец, противопоставляемый Обломову как носитель цивилизации, при этом авторы учебников практически игнорируют образ Ольги. Как выразитель интересов буржуазии, с точки зрения Переверзева Гончаров оказывается почти полным двойником А. Н. Островского (см.: *Тихомиров В. М., Тимофеев Л. И.* Учебник по литературе. Для 1-го года ФЗУ, РТШ и КСКО / Под ред. Ф. М. Головенченко. М.; Л., 1932. С. 87—88). По всей видимости, это и приводит к исключению «Обломова» из школьной программы в 1927 г. В

1933 г., впрочем, роман Гончарова возвращается в программу в связи с общими изменениями в концепции преподавания. Концепция Переверзева во второй пол. 1930—1940-х гг. постепенно вытесняется из школьного преподавания, сменяясь ориентацией на традиционную трактовку литературы, поддержанную Г. А. Гуковским. «В духе концепции Гуковского, настаивающей на отражении в литературе исторических изменений в сфере мировоззрения, трактуется творчество Гончарова» (*Пономарев Е.* Созидание советского учебника по литературе. С. 72). На первое место выходит не классовая идеология писателя, а критическое изображение в его творчестве современных ему общественных явлений. Одновременно с этим в школу возвращается представление об актуальности образа Обломова, на этот раз мотивированное цитатами из Ленина, употреблявшего имя героя Гончарова для характеристики современников (см., например, аргументацию в пользу того, что при работе с романом в школе могут использоваться только суждения Ленина и Добролюбова: *Самарин М. П.* К вопросу об изучении романа Гончарова «Обломов» в средней школе // *Наукові записки Харківського Державного Педагогічного Інституту ім. Г. С. Сковороди.* Т. X. 1947. С. 105—119). При этом общечеловеческая и национальная значимость образа Обломова продолжает игнорироваться. Авторы, которые «пытались представить русский народ как нацию обломовцев, неспособных созидать новую жизнь», в учебниках литературы получают определение «враги народа» (*Абрамович Г., Головенченко Ф.* Русская литература. Учебник для 8-го и 9-го классов средней школы. Ч. I. Изд. 5-е. М., 1938. С. 213). Вслед за упрощенно понятым Добролюбовым, герой сводится к социальному типу крепостника. В 1940-х гг. апологетическое отношение к русской истории способствует возрастанию иерархического статуса классики в советской школе: программы включают не только «Обломова», но и «Обыкновенную историю» и «Обрыв»; впрочем, такое расширение программ оказывается недолговечным. Преподавание творчества Гончарова в вульгаризованном духе приводит к восприятию его произведений исключительно в социально-обличительном ключе. В связи с этим в сер. 1950-х гг. внимание к «Обломову» в школе падает: в 1957 г. роман сокращается до отдельных мест из первой части, касающихся воспитания героя, то есть тех фрагментов, которые легче всего свести к изображению типичного дворянина середины XIX в., а статья Добролюбова «Что такое обломовщина» — до набора выдержек. В 1964 г. статья Добролюбова вовсе исчезает из списка обязательных к прочтению работ, а в 1965 г. «Обломов» полностью выпадает из школьной программы.

В 1991 г. роман Гончарова вновь становится обязательным для изучения в школе, что привело, как и в 1900-х гг., к появлению сведений о Гончарове и его творчестве в массе учебных пособий, сборников сочинений и др. материалов, предназначенных для учащихся. Современная школьная трактовка «Обломова» близка дореволюционной: в ней также декларируется сдержанность и попытка сочетать разные подходы к роману. Показательно, что школьники в обязательном порядке должны ознакомиться со статьями Н. А. Добролюбова и А. В. Дружинина, в которых роман трактуется во многом диаметрально противоположным образом. Вместе с тем, в некоторых современных учебниках и рассчитанных на учителей статьях ощутимы почвеннические тенденции в интерпретации романа: подчеркивается преимущество Обломова и Агафьи Пшеницыной перед Штольцем и Ольгой Ильинской, причем вызывающие более положительные чувства герои характеризуются как связанные с русским народом и христианской верой: «Головной любви Ольги Ильинской противопоставлена в романе глубоко христианская любовь русской женщины Агафьи Матвеевны Пшеницыной» (*Лебедев Ю. В.* Литература. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Базовый и профильный уровни. В 2 ч. Ч. 1. 10-е изд. М., 2008. С. 345; показательно, что из всех современных исследователей автор учебника ссылается только на В. Н. Криволапова). Противоречивость современных школьных трактовок романа «Обломов» свидетельствует об актуальности произведения и неизбежности дальнейших изменений в его преподавании.

Лит-ра: *Кондра М.* Программы по литературе в советской общеобразовательной школе 1917—1991: опыт вспомогательного указателя (курсовая работа студента 4 курса СПбГУКИ, рукопись) (текст любезно предоставлен С. Г. Леонтьевой); *Пономарев Е.* Созидание советского учебника по литературе. От М. Н. Покровского к Г. А. Гуковскому // Вопросы литературы. 2004. № 4; *Эйхенбаум Б.* О принципах изучения литературы в средней школе // Русская школа. 1915. № 12.

К.

Ю.

Зубков

«Русские пролетарии» — определение Алексея и Тарантьева, «двух самых усердных посетителей Обломова» («Зачем эти два русские пролетария ходили к нему?» — ч. 1, гл. 3; IV, 40). Слова «пролетарий», «пролетариат» появляются в русской публицистике со второй половины XIX в. в связи с широким интересом общественной мысли к положению рабочего класса на Западе и событиям июня 1848 г. в Париже — в статьях Белинского и Вал. Майкова, в «Письмах из Франции и Италии» (1847—1855) и «С того берега» (1847—1850) А. И. Герцена, в статье «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (1847) В. А. Милютин и др. Однако «в условиях домарксистской мысли семантическое наполнение этих слов оказывалось в течение всех 40-70-х гг. очень неустойчивым. <...> в языке представителей различных социальных и литературных направлений они становились неопределенными синонимами русских слов неимущий, бедняк...» (Сорокин. С. 90-92; 100-103). Характерен поставленный Г. акцент на слове «русские». Пролетариями в России называли обыкновенно многочисленных мелких чиновников. Так, например, в поданной Николаю I в 1847 г. записке С. С. Уваров рассуждал о чиновничестве как «многочисленном сословии людей без прошедшего и будущего, имеющих свое особое направление и совершенно похожих на класс пролетариев», а П. А. Валуев в записке Александру II (1861 г.) отмечал: «В рядах чиновного сословия, к сожалению столь многочисленного, ежедневно более и более переполняющегося и породившего у нас особый класс пролетариев, обнаруживаются самые противоположительные стремления...» (цит. по: Шепелёв. С. 175, 123). О "многочисленном и поистине несчастном классе приказных, или канцелярских служителей", о "нищих во фраке" писал императору в 1864 г. и М. А. Корф (Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России. С. 54).

Лит-ра: Сорокин. С. 90-92; Шепелёв. С. 123, 175; *Евреинов В. А.* Гражданское чиновничество в России: Ист. очерк. СПб., 1887. С. 54.

А. Г. Гродецкая

«Русский вестник» (1856—1906), литературный и общественно-политический журнал, издававшийся в Москве под редакцией М. Н. Каткова (с конца 1857 по 1887 г.); поначалу выходил два раза в месяц, с 1861 г. — ежемесячно. Один из самых влиятельных и популярных русских журналов второй половины XIX века (тираж в 1862 г. — 5700 экз.), где в разное время публиковались Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский, А. К. Толстой и мн. др. выдающиеся писатели, ученые и общественные деятели.

Гончаров опубликовал в "Р. в." очерки "От Кронштадта до мыса Лизарда. (Из путевых записок)" (1856. Т. VI. Ноябрь. Кн. 1) и "Плавание в Атлантических тропиках. (Письмо к В. Г. Бенедиктову)" (1857. Т. IX. Май. Кн. 1), вошедшие затем в книгу "Фрегат "Паллада"" (1858); в 1860 г. он также предлагал Каткову фрагмент из будущего романа "Обрыв", но эта публикация по неизвестным причинам не состоялась (вероятно, это был тот фрагмент, который позднее был напечатан под заглавием "Портрет. (Из романа "Эпизоды из жизни

Райского”)” в журнале “*Отечественные записки*” — 1861. № 2); после выхода “Обрыва” в “Р. в.” была помещена статья о нем Г. А. Лароша (1869. №7; за подписью: Л. Нелюбов). В 1879 г. редакция “Р. в.” обратилась к Гончарову с предложением напечатать его воспоминания о Белинском, но он ответил отказом (см.: *Материалы 1998*. С. 240—242). На смерть Гончарова “Р. в.” откликнулся некрологической статьей Ю. Н. Говорухи-Отрока (см.) (1892. №1).

Еще до окончания “Обломова”, в первый же год издания “Р. в.” Катков предложил Гончарову опубликовать роман в его журнале, и уже в январе 1857 г. в литературной среде начали распространяться опровергаемые сами писателем слухи, что он уже якобы передал законченный роман в “Р. в.” за огромный по тем временам гонорар — 300 рублей за авторский лист. На самом деле предложение Каткова касалось только первой, уже законченной к тому времени части “Обломова”, и то с условием, что “все написанное <...> было закруглено, как вещь конченная” (из письма Гончарова к Каткову от 21 апреля 1857 г. — *Материалы 1994*. С. 250), на что Гончаров не согласился. Спустя несколько месяцев Катков предложил опубликовать в “Р. в.” весь роман, когда он будет окончен, но ставил условием напечатать в свою пользу 600 экз. отдельных оттисков, на что Гончаров ответил отказом, а в письме ему от 5 июня 1857 г. сообщал: “С обоюдного согласия *положим прежние условия несуществующими. Если у меня будет что-нибудь написано и если я с рукописью обращусь к Вам, будемте договариваться вновь. Это не обязывает Вас — к соблюдению прежних условий, меня к написанию романа и к помещению его у Вас. Вы выигрываете тем, что совершенно освобождаетесь от прежних условий, которые находите отягчительными, а я ничего не выигрываю, кроме свободы не писать и не помещать труда своего непременно в “Вестнике”, свободы, которая оставалась и прежде за мною”* (*Материалы 1994*. С.253—254; выделено Гончаровым). Когда в конце того же года, когда “Обломов” в целом был уже завершен, Катков снова обратился к Гончарову с предложением опубликовать его в “Р. в.”, причем писатель допускал такую возможность в случае, “если здешняя (т. е. петербургская — *Ред.*) цензура <...> что-нибудь предложит значительно исключить или изменить...” (из письма Гончарова к Е. Ф. Коршу от 25 ноября 1857 г.), но в итоге передал роман в “Отечественные записки” (см.), найдя условия его редактора А. А. Краевского (см.) наиболее выгодными для себя.

После выхода отдельного издания “Обломова”, в “Р. в.” была помещена статья о нем Н. Д. Ахшарумова (см.).

Лит-ра: *Гейро Л. С.* История создания и публикации романа “Обломов” // *ЛП “Обломов”*. С. 555—556; VI, 21—22, 79 (примеч. Т. И. Орнатской); И. А. Гончаров. Письма М. Н. Каткову / Предисл. и публ. Е. К. Демиховской; Текстология И. Б. Павловой // *Материалы 1994*. С. 247—256; *Ваняи С. С.* Катков // *Рус. писатели*. Т. 2. С. 508—511.

А. Ю. Балакин

Симбирская (Бочарная) улица — улица на Выборгской стороне, где предположительно мог находиться дом Агафьи Пшеницыной. Указал место жительства Агафьи Матвеевны в очерке «Петербург. Воспоминаниях старожила» (1921) близкий знакомый с Гончаровым А. Ф. Кони: «От академии мы сворачиваем вправо, и по длинной Симбирской улице, совершенно провинциального типа, очень хорошо описанной Г. в “Обломове”, приходим, миновав Новый арсенал, в пригородную местность, носящую название Полюстрово» (Кони. Т. 7. С. 36).

Локализация выборгской Обломовки в тексте романа не вполне отчетлива, так как в доме Пшеницыной воспроизводится прежде всего условно-идиллическое пространство детства Обломова. «Территорию» выборгской Обломовки фиксируют немногие конкретные

подробности - близость к Неве, Охте, Безбородкину саду (см.) и др. Особого внимания заслуживает тот факт, что улица, носившая название Бочарной (с 1808 по 1858), была переименована 20 янв. 1858 г. (т. е. на завершающем этапе работы над романом) в Симбирскую (отмечено: *Рассадин А. П.* Симбирский фон в романе И. А. Гончарова «Обломов». С. 302—303). Подразумеваемый в тексте топоним (Симбирск — родина Г.), скорее всего, должен был усилить в «петербургском» романе символическое значение дома Пшеницыной как родного гнезда, «мирного уголка», прибежища, обретенного рая. С 1927 г. — ул. Комсомола.

Лит-ра: Михневич. С. 92; «Обломов» ЛП. С. 679; Городские имена. С. 57; *Рассадин А. П.* Симбирский фон в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Материалы 2008. С. 302-303.

А.

Г.

Гродецкая

Троицкий Фёдор Степанович (1792—1854) — священник Михайло-Архангельской церкви в селе Архангельском, Репьёвка, Ботьма тож Ставропольского уезда Симбирской губернии (см. Архангельское), содержатель домашнего пансиона, где в 1820—22 годах учился И. А. Гончаров. Протоиерей Фёдор Степанович Троицкий был сыном дьякона. По окончании курса Казанской духовной академии «был уволен студентом богословия, 1817. Апреля 1 дня рукоположен в городе Симбирске к Вознесенской церкви во священника Архиепископом Амвросием, на что грамоту имеет» (ГАСО, ф. 32, оп. 16, д. 3, л. 164 об.). В 1817—18 годах Троицкий служил вторым священником в Вознесенском соборе, прихожанами которого являлись Гончаровы. С октября 1817 года по указу симбирского духовного правления находился в военной комиссии «для увещания подсудимых увещателем» (*Суперанский М. Ф.* Один из учителей И. А. Гончарова. С. 171). В 1818 г. за учительскую должность по Симбирскому духовному училищу был награждён набедренником. 14 октября 1818 Троицкий был переведён в с. Архангельское. Перевод Троицкого первым священником в Архангельское "по сохранившемуся преданию <...> состоялся вследствие ходатайства перед епархиальной властью княгини Хованской, которая в лице образованного священника желала видеть наставника для своих детей" (*Суперанский М. Ф.* Один из учителей И. А. Гончарова. С. 171). Также возможно, что Троицкий был переведён в Архангельское в связи с отстранением местного священника Спиридона Николаева, поддержавшего крестьян во время крупных волнений, происходивших в селе Архангельском в апреле-мае 1818 года (История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. С. 235). Служба Троицкого в Архангельском протекала успешно. В 1827 году «объявлено от епархиального начальства благословение за хорошее прохождение должности, благочинным определен 1833 декабря 7 дня. Архиепископом Анатолием в протоиереи произведен 1834 марта 25 дня в оное село на священническую вакансию тем же Архиепископом, на что грамоту имеет, 1824 награждён фиолетовой скуфьёю, а 1845 году фиолетовою камилавкою на что имеет из Духовной Консистории свидетельства» (ГАСО, ф. 32, оп. 16, д. 3, л. 164 об.).

У Троицкого в Архангельском был собственный деревянный дом. Поскольку своей земли он не имел, получал ежегодно от помещика «отсыпной хлеб: ржи 30 четвертей и ярового столько же» (ГАСО, ф. 32, оп. 16, д. 3, л. 108). Троицкий был женат на «немке Лицман, которая была гувернанткой у помещиков Филатовых, и которая приняла православие под именем Варвары Антоновны» (*Суперанский М. Ф.* Один из учителей И. А. Гончарова. С. 172). В их семье было три дочери: Александра (1817—1856), незамужняя, Варвара, в 1859 году ставшая женой дворянина Павла Алексеевича Наумова, и Елизавета. М. Ф. Суперанский пишет, что в семье было ещё двое сыновей, которые «пошли в духовное звание» (*Суперанский М. Ф.* Один из учителей И. А. Гончарова С. 172). Однако в клировой ведомости сыновья не упоминаются. В Архангельском Троицкий содержал пансион для

местных дворян, где преподавал и он сам, и его жена. И. А. Гончаров о своей учёбе в пансионе Троицкого считает необходимым упомянуть в трёх автобиографиях. Самого Троицкого писатель называет «весьма умным и ученым человеком» (*Гончаров И. А. Автобиография. 1858 г. С. 221*).

Знакомство семьи Гончаровых с Троицким, по-видимому, продолжалось и позднее. Его, славившегося талантом проповедника, архиерей выписывал на большие праздники в Симбирск для произнесения поучений в кафедральном соборе. Г. Н. Потанин, который в конце 1840-х годов был вхож в дом Гончаровых как репетитор племянников писателя Виктора и Владимира Кирмаловых, вспоминал: «В доме Гончаровых я часто видел протоиерея Троицкого уже стариком, но и тогда он был красавец и щёголь, одевался в бархат, имел приятный голос, живо, увлекательно говорил, <...> отличался особенно изящными манерами и умел держать себя корректно. В доме Гончаровых протоиерей Троицкий был такая почётная личность, что его встречали как архиерея» (*Потанин Г. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове. С. 29*).

Е. А. Ляцкий высказал мнение, что Троицкий «напоминает верхлѣвского старика Штольца» (*Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. СПб., 1912. С. 62*). Он также приписывал Гончарову использование факта национальности жены Троицкого - немки Лицман: «...немцу Штольцу соответствовала немка <...> жена священника, учившая детей немецкому и французскому языку» (*Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Стокгольм, 1920. С. 66*). Существует и биографическое совпадение: жена Ивана Богдановича Штольца в молодости была гувернанткой, жена Троицкого до замужества служила гувернанткой у дворян Филатовых. Однако большинство исследователей жизни и творчества писателя не указывают на Троицкого как на прототипа Ивана Богдановича Штольца.

Троицкий стал прототипом Николая Ивановича в романе И. А. Гончарова «Обрыв» — «молодого священника» из села за Волгой, мужа Натальи Ивановны, подруги Веры. По словам Татьяны Марковны, «поп умный, из молодых, — только уж очень по- светски ведёт себя: привык там в помещичьем кругу. Даже французские книжки читает и покуривает — это уж и не пристало бы к рясе...» (*Гончаров И. А. Обрыв // VII, 430*). Вера со священником читала Вольтера, Спинозу, некоторых энциклопедистов. По словам Веры, она «многим ему обязана»

в своём развитии.

Лит-ра: *Гончаров И. А. Автобиография. 1858 г. // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 221-224; История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XVI — перв. пол. XIX в. М., 2000; Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. СПб., 1912; Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Стокгольм, 1920; Потанин Г. Н. Воспоминания об И. А. Гончарове // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 23—44; Суперанский М. Ф. Один из учителей И. А. Гончарова // Огни. Пг., 1916. Кн. 1.*

Архивы: Государственный архив Самарской области, ф. 32, оп. 16, д. 3 (Клировая ведомость о церкви Архангельской Ставропольского уезда села Архангельского за 1852 год).

Е.

Б.

Клевогина

Флигель Эрара — фортепиано работы одного из известнейших фабрикантов музыкальных инструментов Себастьяна Эрара. В крымском коттедже Штольцев “среди всего, на почетном месте, блистал, в золоте с инкрустацией, флигель Эрара” (ч. 4, гл. 8; IV, 447).

Флигель, чаще флюгель (нем. *Flügel* — крыло) — устаревшее название клавишных музыкальных инструментов с крыловидным корпусом, в 17 в. — клавесина и его разновидностей, в 18 в. — нек. разновидностей фортепиано. Себастьян Эрар (*Erard*; 1752—1831) — французский мастер арф и клавишных инструментов, один из крупнейших инструментальных мастеров, осуществивший коренную реконструкцию арфы, фортепиано и органа, основатель фабрики музыкальных инструментов в Париже (1777), позднее в Лондоне (1794), имевшей репутацию лучшей в Европе. В 1808 впервые появился созданный Эраром рояль-флюгель (крыловидный), в 1821 им изобретен механизм “двойной репетиции” (быстрое повторное нажатие клавиш), позволивший исполнять сложные пассажи. Изобретение в 1823 демонстрировалось на Парижской выставке и вызвало массу подражаний. Известно, что “эраром” владел Бетховен, на этом инструменте были созданы его сонаты и концерты позднего периода. Себастьян Эрар вел дело вместе с братом Жаном Батистом (1745—1862); после его смерти фабрика перешла к его племяннику Пьеру Эрару (1796—1855), издавшему брошюру с описанием музыкальных изобретений дяди (“*Perfectionnement apporté dans le mécanisme du piano par les Erard...*”. Paris, 1834).

Рояль в квартире Лопухова и Веры Павловны, “купленный по случаю за 100 рублей, маленький эраровский, старый”, упомянут в романе “Что делать?” (1863) как одна из значимых эстетических составляющих семейного быта “новых людей” (“*Что делать?*” ЛП. С. 141).

А. Г. Гродецкая

Хухорево (Благовещенское) — село Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Большеигнатовского района Республики Мордовия), прообраз Обломовки; располагалось в 35 верстах от г. Ардатова и 215 верстах западнее Симбирска. Одним из землевладельцев в Хухореве был крёстный отец Гончарова надворный советник Н. Н. Трегубов. В 1804 году Трегубов приобрел в Хухореве, рядом с которым находились родовые имения Трегубовых с. Покровское, д. Михайловка и д. Обуховка, с аукционного торга в Симбирском губернском правлении 103 души «с имуществом и землею, всего 35 четвертями за 5600 рублей» (ГАУО, ф. 122, оп. 1, д. 9). В 1836 году Трегубов продал это имение «с господским домом и принадлежащими к оному надворными строениями и плодовитым садом» сестре Гончарова Александре Александровне Кирмаловой за 40 тыс. руб. ассигнациями (ГАУО, ф. 122, оп. 58, д. 35); позднее он продал ей и свои части родовых имений.

После выхода в отставку мужа А. А. Кирмаловой Михаила Максимовича, примерно с 1842 г., их семья жила в Хухореве постоянно. Кирмалов управлял имениями жены. В 1846 году Кирмаловым принадлежало более 250 душ крестьян и около 1000 десятин земли и леса. Усадьба в Хухореве занимала 27 десятин (ГАУО, ф. 122, оп. 58, д. 35, л. 13 об.). Кирмаловы владели этими имениями до 1917 года.

В конце сентября 1849 года, возвращаясь из Симбирска в Петербург, Гончаров на несколько дней заезжал в Хухорево: «Завтра я выезжаю в деревню к сестре, где пробуду суток двое...» (И. А. Гончаров - А. А. Краевскому. Симбирск. 25 сентября 1849 г. // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 247). Подробностей о его пребывании сохранилось немного. Известно, что по возвращении в Петербург, в подарок Кирмаловым Гончаров послал статуэтки-карикатуры на себя и Ф. В. Булгарина работы Н. А. Степанова. В сопроводительном письме он вспоминает эпизоды своего недавнего общения с племянниками в Хухореве, и, в соответствии с характером и возрастом каждого, адресует им новогодние пожелания. Вероятно, И. А. Гончаров заезжал в Хухорево и в конце февраля 1855 г., когда возвращался через Симбирск из путешествия на фрегате «Паллада». Отправляя в подарок сестре А. А. Кирмаловой журналы с путевыми заметками, напечатанными в

феврале и марте 1856 года, он замечает: «Когда-нибудь, лежа в постели с этими книгами, услышишь, как неистово завоет буря на дворе, хотя такая, в какую я приехал к тебе, и представишь себе, как брат твой испытывал всё это на морях — право испугаешься» (И. А. Гончаров — А. А. Кирмаловой. 20 апреля 1856 г. // Бейсов П. С. Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960. С. 125—126).

Исследователь жизни и творчества И. А. Гончарова П. С. Бейсов назвал Хухорево одним из мест, где писатель наблюдал деревенскую жизнь, уклад и быт помещичьей усадьбы (*Бейсов П. С. Гончаров и родной край. С. 60*). Хухоревские впечатления могли быть использованы И. А. Гончаровым при описании Обломовки и жизни обломовских крестьян. В своих письмах сестре А. А. Кирмаловой И. А. Гончаров неоднократно именуется Хухорево «глушью», «трущобой», куда трудно добраться из-за отсутствия рядом железной дороги или судоходной реки (*Суперанский М. Ф. И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. №12. С. 421—444*). То же читаем и про обломовцев: «...обитатели этого края далеко жили от других людей» (ч. I, гл. IX; IV, 103), уездный город был «верстах в <...> тридцати», губернский город был так далеко, что «редкие езжали туда» (Там же), «уголок» обломовцев «был почти непроезжий» (Там же. С. 104).

С. Хухорево располагалось в необычайно живописной местности на правом берегу речки Меня, напоминая «благословенный уголок земли» в романе: его окружали леса и пашни, рядом протекала речушка Землейка, в центре села был пруд. Обломов «никогда не показывался в своё имение: им заведовал управляющий...» (ч. I, гл. IX; IV, 106). Также и Н. Н. Трегубов, владелец Хухорева, по свидетельству Гончарова, никогда не интересовался ни доходами своими, ни расходами и редко заглядывал в имение, проживая в г. Симбирске (*Гончаров И. А. На родине // Гончаров И. А. На родине. М., 1987. С. 257-258*).

После раздела имений с братом в 1826—33 гг. Трегубову досталось около трехсот душ крестьян. Обломов «по смерти отца и матери <...> стал единственным обладателем трехсот пятидесяти душ, доставшихся ему в наследство в одной из отдалённых губерний, чуть не в Азии» (ч. I, гл. V; IV, 54). «Наследственной отчиной рода» Трегубовых были с. Покровское и д. Михайловка и д. Обуховка Ардатовского уезда, находившиеся рядом с Хухоревым. Их расположение напоминает о «трёх-четырёх деревеньках», принадлежавших Обломовым, которые «лежали недалеко друг от друга» (ч. I, гл. IX; IV, 102). В очерке-воспоминаниях «На родине» Гончаров упоминает «кривого старосту», управляющего имением Якубова (Трегубова) (*Гончаров И. А. На родине // Гончаров И. А. На родине. М., 1987. С. 258*). Возможно, не случайно в «Обломове» появляется шурин старосты в Обломовке Дёмка Кривой (ч. I, гл. II; IV, 35).

Представление об общей атмосфере в Хухореве во время управления имением М. М. Кирмаловым Гончаров мог использовать в письме старосты Прокопия Вытягушкина Обломову. Жалобы старосты на убежавших крестьян перекликаются с фактами из уголовных дел, на которые указал П. С. Бейсов (см.: *Бейсов П. С. Гончаров и родной край. С. 56—58*), — это побеги хухоревских крестьян, обнищание крестьян, в Хухореве вследствие непосильных поборов барина. В июле 1850 г. крестьяне, недовольные порядками, установленными Кирмаловым, убили его (ГАУО, ф. 122, оп. 25, д. 9). В письмах к А. А. Кирмаловой И. А. Гончаров неоднократно упоминает о ленивой натуре своего зятя, М. М. Кирмалова, унаследованной его сыновьями, особенно Виктором Михайловичем (*Суперанский М. Ф. И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии. С. 421—444*). Это позволило П. С. Бейсову назвать М. М. Кирмалова «прототипом силуэта барина» во «Фрегате "Паллада"», переходящего от «деятельной лени» к «ленивой деятельности», живущего «в своё брюхо» (*Бейсов П. С. Гончаров и родной край. С. 62*).

Лит-ра: *Бейсов П. С.* Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960; *Гончаров И. А.* На родине // Гончаров И. А. На родине. М., 1987. С. 241-329; И. А. Гончаров - А. А. Краевскому. Симбирск. 25 сентября 1849 г. // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 245-247; *Суперанский М. Ф.* И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. №12. С. 421—444.

Архивы: Государственный архив Ульяновской области. Ф. 122, оп. 1, д. 9 (Дело по прошению надворного советника и штабс-капитана Трегубовых о полюбовном разделе наследственного их родового имения. 1826-1833 гг.); ф. 122, оп. 48, д. 12 (Дело о вводе во владение титулярной советницы Кирмаловой имением, состоящим при селе Хухореве и Покровском. 1836 г.), л.44-47; ф. 122, оп. 58, д. 35 (Дело об утверждении полюбовной скаски состоящих владельцами Ардатовского уезда по даче села Хухорева. 1846-1850 гг.), л. 13 об.; ф. 122, оп. 25, д. 9 (Дело об убийстве надворного советника Кирмалова. 1850 г.).

А. В. Лобкарева

Юферов Николай Семенович (?—после 1855) — чиновник Департамента внешней торговли (с 1826 по 1855 гг.), сослуживец Гончарова. Начал службу коллежским секретарем и помощником столоначальника, в 1832 стал титулярным советником и столоначальником, в 1844 — правителем канцелярии, вышел в отставку в 1855 с чином действительного статского советника. В 1976 г. А. Б. Муратов обратил внимание на письмо В. А. Солоницына к Гончарову от 25 апреля 1844 г., где Солоницын пишет о правителе канцелярии: «Юферов отвратителен с своей нежностью к службе; но таковы условия успехов по бюрократии: многие были б гораздо дальше своих нынешних мест, если б вели себя как этот... не скажу человек, а чиновник. Кланяйтесь, подличайте, смотрите на начальника как на Иисуса Христа, пишите хоть вздор лишь бы доставить ему случай чаще подписывать свое имя, прикидывайтесь обремененным, убитым делами, - и счастье Ваше сделано. Юферов далеко пойдет!» и предположил, что этот человек послужил Гончарову для создания образа Судьбинского в романе.

Лит-ра: Адрес-календарь... 1826—1855; *Муратов А. Б.* И. А. Гончаров в министерстве финансов // И. А. Гончаров: (Новые материалы о жизни и творчестве писателя). Ульяновск, 1976. С. 41-42; *Солоницын В. А.* [Письмо к И.А. Гончарову от 25 апреля 1844 г.] / Публ. А.И. Груздева // Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.; Л., 1958. С. 334.

А. В. Романова